

активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе.

Через полгода после Третьего съезда партийная линия еще больше сместилась вправо. Дело дошло до того, что цикл статей Чернова, предупреждавших о приближении катастрофы, не был опубликован в центральном органе партии даже как его личное мнение. Центральный комитет решил, что партия слишком привыкла воспринимать статьи Чернова как официальную позицию руководства, что их отклонение от курса комитета может сбить с толку рядовых членов. Но и тут Чернов подчинился дисциплине и стал терпеливо ждать созыва Четвертого съезда. Съезд состоялся и единодушно поддержал резолюции черновского «левого центра», осудил колебания Центрального комитета и его неспособность добиться соблюдения партийной дисциплины. К несчастью, скорость развития исторических событий опередила ход неповоротливой партийной машины. Съезд удалось собрать лишь после большевистского переворота. Линию партии выправили, но было уже слишком поздно.

Глава 20

СПОЗАНИЕ К БОЛЬШЕВИЗМУ

У партий, составлявших большинство в Совете, оставался еще один козырь: Демократическое совещание.

Оно открылось 14 сентября. Керенский сделал сенсационное заявление: роль диктатора предлагали ему еще до Корнилова. От ответа на вопрос, кто именно сделал ему такое предложение, он ушел. Он заверил совещание, что хотя утвердил закон о восстановлении смертной казни на фронте, но вычеркнул из него одну фразу; таким образом была спровоцирована совершенно не нужная шумиха вокруг закона.

Затем начались бурные дебаты. Совещанию были представлены две резолюции. Одна предлагала исключить из коалиции «те элементы конституционно-демократической партии [кадетов. — *Примеч. авт.*] и других партий, которые были замешаны в корниловском мятеже». Вторая резолюция была

более радикальной: она объявляла дальнейшую коалицию с кадетами невозможной. Вместо того чтобы поставить на голосование вопрос о том, какую из двух резолюций принять за основу для дискуссии, президиум совещания, стремясь спасти коалицию, прибег к способу скорее хитрому, чем честному. Он заявил, что предварительно нужно решить голосованием вопрос в принципе: кто за коалицию, а кто против. Протесты Чернова и других, что «коалиций вообще» не бывает и что такое голосование будет двусмысленным и неопределенным, приняты не были. Во время голосования Чернов, связанный резолюциями собственного Центрального комитета, мог только воздержаться, не имея права даже объяснить свои мотивы. Это вызвало большое недоумение. Враги Чернова расценили это как признак нерешительности. Две трети делегатов от Советов и национальных организаций, три четверти делегатов от земств, четыре пятых делегатов от профсоюзов проголосовали против коалиции; голоса делегатов от городов разделились практически поровну; и только представители кооператоров почти единодушно выступили за коалицию, обеспечив очень незначительное большинство одобрению принципа «абстрактной коалиции».

Затем было поставлено на голосование предложение вышвырнуть за борт «элементы», замешанные в мятеже Корнилова. Казалось, тут и спорить не о чем, но голоса разделились следующим образом: 797 за, 139 против при 196 воздержавшихся. Президиум пытался закончить голосование, но делегаты, которые предлагали исключить из коалиции всю кадетскую партию, протестовали так бурно, что их резолюцию также пришлось поставить на голосование. Она набрала 595 голосов за и 493 против при 72 воздержавшихся. Тогда сторонники коалиции решились на отчаянную меру: президиум, перестав притворяться нейтральным, заявил, что голосование по принципиальному вопросу было главным, а два других являлись лишь поправками к резолюции, поэтому теперь он предлагает проголосовать за «резолюцию в целом». Начались новые протесты. Такая интерпретация была объявлена произвольной; голосование за или против абстрактного принципа — совсем не то же самое, что голосование за резолюцию; поправки никогда не

ставятся на голосование после принятия главной резолюции. Президиум поставил вопрос на общее голосование. Теперь цель маневра стала ясна. Нарушив все постановления Центрального комитета своей партии о едином голосовании, правое крыло социалистов-революционеров заявило, что оно будет голосовать против резолюции в целом. Дан объявил, что меньшевики присоединяются к ним, а Беркенгейм — что кооператоры сделают то же самое.

Именно этого и хотели большевики. Они боялись создания однородного правительства трудящихся. Такое правительство могло бы завоевать популярность и помешать большевистской революции. Отобратить власть у коалиционного правительства, ослабленного внутренними разногласиями и возглавляемого «конченным человеком» Керенским, было бы намного легче. От имени большевиков Троцкий провозгласил, что хотя они голосовали за обе конкретные резолюции, но сейчас вынуждены признать абстрактный принцип коалиции, а потому тоже отвергают «резолюцию в целом». Такое же заявление сделали левое крыло эсеров и интернационалисты, испугавшиеся, что их обвинят в радикализме. Правые и левые объединили усилия, чтобы помешать Демократическому совещанию принять какое бы то ни было решение. Три основных голосования плюс три дополнительных голосования в итоге дали минус один. Было доказано, что совещание может создать лишь зыбкое большинство, каждый раз основанное на новой комбинации голосов. Единое большинство исчезло. На совещании присутствовали два разросшихся крайних фланга, в то время как центр исчез.

«Президиум обсудил ситуацию и пришел к единогласному решению, что среди организованной демократии не выкристаллизовалось единства воли», — заявил Церетели после перерыва. Демократия трудящихся не могла нанести себе более убийственного удара. Она не только расписалась в своем банкротстве, но и косвенным образом признала, что в данных условиях единственным выходом из положения является диктатура. В тот день победителем оказалась самая малочисленная фракция — большевики.

Поскольку Демократическое совещание не смогло решить вопрос о правительстве, Керенский сохранил свободу дей-

ствий. Он быстро слепил новое правительство, заменив петроградских кадетов московскими и вновь силой притащив в кабинет Коновалова, до того дважды подававшего в отставку. Он ввел в кабинет Третьякова, широко известного своими замаскированными призывами к закрытию промышленных предприятий. Он окружил себя несколькими «бледно-розовыми псевдосоциалистами». Конечно, в таких условиях ни о формальной подотчетности предпарламенту, ни о выполнении решений московского Государственного совещания не могло быть и речи. Керенский угрожал подать в отставку. Центральный комитет партии эсеров решил «послать к Керенскому новую делегацию, чтобы попытаться убедить товарища Керенского удовлетворить требования демократии» (резолюция от 1 октября). Большевики требовали отложить рассмотрение этого вопроса до Второго съезда Советов. Сторонники коалиции были готовы принять любое урезание их программ и любое самое пестрое правительство при условии, что оно доживет до Учредительного собрания. Продолжались бесконечные переговоры, сделки и торговля, приобретающие то драматический, то комический оборот.

Какое-то время казалось, что никакого соглашения достичь не удастся и единственным выходом является создание однородного «правительства трудящихся». На одном из совещаний Центральный комитет партии эсеров даже передал своим делегатам, которые вели переговоры с Керенским, примерный список кандидатов на министерские посты. Церетели должен был стать премьер-министром и министром иностранных дел, В.А. Ржевский (бывший «прогрессист», председатель финансовой комиссии Государственной думы, присоединившийся к эсерам в 1917 г.) — министром финансов, министром торговли и промышленности — правый большевик Красин, министром труда — социал-демократ Колокольников, министром земледелия — помощник Чернова, известный агроном П.А. Вихляев, министром заготовок — кооператор Беркенгейм, министром внутренних дел — эсер Тимофеев или эдек Богданов, министром юстиции — Керенский, а в случае его отказа Гендельман, министром народного просвещения — Тимирязев или Бехтерев, военным министром — генерал Вер-

ховский, морским министром — адмирал Вердеревский. Чернов предпочел остаться вне правительства, но при необходимости мог вернуться в министерство земледелия или возглавить новое министерство национальностей.

Однако возможно, что этот список Гоц и Авксентьев взяли с собой только для того, чтобы сбить спесь с Керенского, помахав перед его носом проектом, который будет реализован, если Керенский начнет упрямыться. Даже неохотные сторонники коалиции были загипнотизированы близостью выборов делегатов Учредительного собрания. Все новые правительственные комбинации следовало отложить. Никто не хотел компрометировать себя в оставшийся небольшой промежуток времени, неизбежно неопределенный и трудный.

Видимо, никто не понимал, что вопрос о правительстве должен был решить, состоится ли Учредительное собрание вообще и дождется ли его страна без новой революции. Если бы революция состоялась до Учредительного собрания, это наверняка означало бы конец последнего.

Увы, повсюду до революции было подать рукой. Медлительность была характерна для всей деятельности правительства, но тяжелейшим из его грехов стала задержка с созывом Учредительного собрания.

6 марта Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «На мой вопрос относительно Учредительного собрания его превосходительство [Милюков. — *Примеч. авт.*] ответил, что будет издано обращение к народу, объявляющее о его созыве в самое ближайшее время, но без указания даты»¹. Во время переговоров с Советами о создании правительства представители Думы обещали созвать Учредительное собрание «как можно скорее». Временное правительство заверило, что оно «ни в коем случае не собирается пользоваться ссылками на военное время для откладывания вышеупомянутых реформ и мер». Однако, согласно Милюкову, сразу вслед за этим «у членов первого Временного правительства возникло мнение, что это можно сделать только во время затишья в военных действиях, то есть не раньше осени». Иными словами, основанием для задержки действительно стало военное время. Два месяца чисто буржуазное правительство не созывало Специальное

совещание, которое должно было собраться и начать работу над проектом закона о выборах. 13 марта на «комиссии по контактам» между Временным правительством и Советом состоялась «долгая беседа относительно Учредительного собрания. Правительство неохотно подтвердило свои обещания... Мы согласились, что Учредительное собрание должно быть созвано в течение лета»².

Делегаты Исполнительного комитета чувствовали, что даже этот срок слишком долг, и они были правы. Все более поздние революции, от германской 1918 г. до испанской 1931 г., показали, что только немедленное Учредительное собрание может оказать формирующее влияние на революцию, иначе судьба революции и Учредительного собрания может быть решена до проведения последнего и без него. В своей речи от 24 марта Чхеидзе прямо требовал, чтобы Учредительное собрание созвали немедленно. Московское окружное совещание Советов было право, когда несколько дней спустя настаивало на том, что «дата созыва ни в коей мере не должна зависеть от того, когда кончится война»³.

Но в апреле на Всероссийском совещании Советов правая рука Керенского Станкевич неожиданно заявил, что «Учредительное собрание не может быть созвано раньше сентября». В доказательство он привел календарь. Избирательные списки должны были составить «законные» органы местного самоуправления. Первое Временное правительство так и не удалось издать закон о новом городском самоуправлении, оставив его первой коалиции; уже одно это привело к двухмесячной задержке. С законом о выборах в Учредительное собрание они «поспешали медленно». После напыщенного заявления о том, что «необходимо ускорить созыв», первая сессия подготовительного совещания была назначена на 25 мая. Однако о дате выборов не было сказано ни слова. Почему избирательные списки для выборов в Учредительное собрание нельзя было составить тем же способом и в то же время, что и списки для выборов в земства и городские думы? Этот дерзкий вопрос либерально-буржуазное крыло правительства и его ученая юридическая комиссия считали оскорблением священных принципов государственного права. Толь-

ко 14 июня, через три с половиной месяца после революции, Временное правительство под давлением Церетели и Чернова наконец назначило день выборов на 17 сентября, а открытие Учредительного собрания — на 30 сентября. Кадеты заявили, что это «абсолютно невыполнимо» (Миллюков). Вторая коалиция, как выразился тот же Миллюков, «поторопилась исправить политическую ошибку первой, которая назначила явно нереальный срок выборов в угоду социалистам левого крыла». Несмотря на то что пресса и Советы называли это саботажем, 9 августа с согласия Исполнительного комитета Совета выборы были назначены на 12 ноября, а созыв Учредительного собрания — на 28 ноября. Во время переговоров с Керенским о «третьей коалиции» поступило предложение отложить выборы на еще более поздний срок. 12 сентября Центральный комитет партии эсеров «единогласно решил, что выборы в Учредительное собрание не должны быть отложены». Однако это, если так можно выразиться, было «беседой в царстве теней»: и новая, и старая даты превысили лимит времени, отпущенного Временному правительству многострадальной историей.

Черновский план создания «правительства трудящихся», так часто отвергавшийся или клавшийся на полку, был наконец принят. Центральный комитет партии эсеров единодушно проголосовал за эту резолюцию в отсутствие Чернова и без давления с его стороны. «Признано необходимым немедленно сформировать однородное социалистическое правительство с представителями всех социалистических партий». Так гласила резолюция, принятая 14 ноября 1917 г. Но слово «немедленно» возникло слишком поздно. Оно появилось через три недели после свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков.

Медлительность была главной болезнью революции 1917 г. В какой-то степени она была эхом замедленного исторического развития России.

Сначала царь опоздал создать «правительство народного доверия» и отречься от престола ради спасения династии. Затем гучковы, крымовы и терещенко опоздали со своим планом дворцового переворота, который должен был опередить

народную революцию. А потом революция, тоже запоздавшая с приходом, стала опаздывать раз за разом. Она промедлила и с созданием коалиционного правительства, и с созданием правительства однородного. Медлительное коалиционное правительство не успело решить рабочий, крестьянский и национальный вопросы. Рассмотрение всех злободневных вопросов неизменно откладывалось «до Учредительного собрания». Но верхом медлительности стал постоянный перенос выборов делегатов последнего. Он дал большевикам один из их сильнейших козырей, позволив им заявить, что созыв Учредительного собрания систематически саботируется, что кадеты, видя усиление левых партий и ослабление собственной, не хотят созывать Учредительное собрание до победного окончания войны, рассчитывая на взрыв народного тщеславия и шовинистической алчности; что Корнилов открыл свои карты, обещав «привести страну к Учредительному собранию через победу»; что весь план наступления был продиктован желанием либо создать атмосферу победного ликования, либо в случае неудачи операции довести страну «до белого каления» и этим оправдать похороны Учредительного собрания «по первому разряду». Если бы историк распознал в шумной кампании большевиков «величайшее лицемерие», то не потому, что в этих утверждениях не было правды, а потому, что большевики втихомолку сами похоронили Учредительное собрание, но обвиняли в подготовке к этому других.

Что происходило внутри партии большевиков? Как она готовилась к роли, отведенной ей историей?

Согласно широко распространенному мнению, с самого начала революции внутренняя история советской демократии была историей отчаянной борьбы между меньшевизмом и большевизмом. Это мнение нуждается в серьезных уточнениях. Даже разделение социал-демократии на две самостоятельные партии, одна из которых впоследствии стала называть себя «коммунистической», было не начальной точкой, а всего лишь результатом хода событий.

Троцкий напомнил миру, что «в таких рабочих центрах, как Екатеринбург, Пермь, Тула, Нижний Новгород, Сормово, Коломна, Юзовка, большевики отделились от меньшеви-

ков только в конце мая 1917 года. В Одессе, Николаеве, Елизаветграде, Полтаве и других центрах Украины большевики не имели собственных организаций даже в середине июня. В Баку, Златоусте, Бежецке, Костроме большевики отделились от меньшевиков только в конце июня»⁴.

В двух столицах события развивались быстрее. Однако, согласно словам одного видного большевика, в Московском совете в первой половине марта «все вопросы решались Исполнительным комитетом и пленумом Совета без деления на фракции... Ни одной организованной фракции не было; рабочие не любили фракционную работу. Это чувство было сильным не только среди беспартийных, но и среди товарищей по партии»⁵.

В Петрограде, где фракционная борьба велась максимально остро, этот вопрос решался более сложно. Но, несмотря на антагонизм правого и левого флангов и деление фракций на подфракции, результат в Петрограде был тем же самым: влияние партий на работу Совета было ничтожным. А большевики были готовы к оказанию такого влияния меньше, чем кто бы то ни было. Им еще нужно было осознать себя духовно и политически.

Первые попытки оказать давление на Совет создавали впечатление случайности, необязательности, «искривления линии». Сначала большевистская организация не имела «конкретного ответа на вопрос об организации правительства»⁶. 28 февраля Центральный комитет партии большевиков призывал рабочих и солдат немедленно «выбрать своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под защитой восставшего революционного народа и армии». Этот туманный призыв не имел никаких последствий. В Исполнительном комитете Совета «никто и не упомянул о правительстве советской демократии, несмотря на большевистский манифест, вышедший накануне»⁷. Все, даже большевики, были удовлетворены своим правом исключать из Временного правительства одиозных личностей.

Даже такой твердый большевик, как Сталин, говорил на партийной конференции 27 марта:

«Фактически Временное правительство создано для того, чтобы закрепить завоевания революционного народа. Совет

рабочих и солдатских депутатов мобилизует силы и осуществляет руководство; Временное правительство пусть неохотно, со скрипом, но закрепляет завоевания, которых народ уже добился фактически. У такой ситуации есть как отрицательные, так и положительные стороны: в настоящий момент нам невыгодно торопить события и идти на разрыв с буржуазными слоями, которые рано или поздно неизбежно сами порвут с нами».

Позже Троцкий осуждал за это Сталина. Он заявлял, что, пока Ленин не приехал из-за границы, Сталин был всего лишь «обычным революционным демократом».

В такой форме большевизм мог быть только более радикальной частью общего социал-демократического фронта, какой и оставался вплоть до приезда Ленина. На Петроградской городской конференции меньшевиков в начале марта обсуждался вопрос об объединении с большевиками. На конференции большевиков в марте Сталин склонялся к принятию предложения Церетели, поскольку «заглядывать слишком далеко вперед и ждать расхождений было бы неправильно»; эти расхождения можно будет «преодолеть внутри партии». Сначала в военном вопросе «большевики, собственно говоря, не выдвигали независимой программы». Сталин говорил буквально следующее: «Один лозунг «Долой войну!» абсолютно бесполезен как практическое средство». В середине марта из Сибири вернулся Каменев. Вместе со Сталиным они руководили большевистской фракцией в Совете и издавали центральную газету «Правда». Однако это не привело к созданию пропасти между большевиками и центристским руководством Совета; скорее наоборот. «Правда» потеряла свою обычную демагогическую окраску. Даже в жгучем вопросе о войне она утверждала: «Война будет продолжаться, потому что германская армия еще не последовала примеру русской армии и продолжает подчиняться своему императору»; в таких условиях для русских солдат «возвращение домой было бы политикой не мира, а рабства, политикой, которую вольный русский народ отвергнет с негодованием». Газета защищала необходимость «ответа пулей на пулю и снарядам на снаряд» и призывала не позволять «никакой дезорганизации военных

сил революции». Требуя начать переговоры, чтобы «найти способ покончить с мировой войной», «Правда» постоянно настаивала на том, что «до тех пор каждый должен оставаться на своем посту».

Все это мало чем отличалось от официальной позиции большинства меньшевиков и эсеров. Действительно, примерно в то же время (в конце марта или начале апреля) «состоялось общее совещание меньшевиков и большевиков, на котором то и дело затрагивался вопрос об объединении». Еще раньше в Москве «на партийной конференции [большевиков. — *Примеч. авт.*] среди прочих рассматривался и вопрос о возможности объединения с меньшевиками, поскольку в провинции существовало сильное стремление к этому»⁸. Переговоры об объединении шли до тех пор, пока из-за границы не вернулся Ленин, быстро положивший этому конец. В то время Ленин иронически говорил, что знает только двух настоящих большевиков: себя и жену.

Но приписывать лично Ленину последующее изменение курса большевиков было бы неверно. Одному человеку не под силу вызвать столь резкое изменение линии всей партии. Некоторым пролетарским слоям Петрограда нравился дух старой «Правды», ее «непоследовательный, примитивный, но левый», как говорил Троцкий, или хаотический, «демагогический и погромный» тон, как говорил Суханов.

Шляпников писал: «15 марта, когда вышел первый номер обновленной «Правды», стало днем триумфа группы оборонцев. Весь Таврический дворец облетела новость: наконец-то разумные и умеренные большевики одержали победу над экстремистами... Когда этот номер «Правды» дошел до фабрик, он вызвал полное замешательство у членов нашей партии и сочувствующих и саркастическое облегчение у наших оппонентов. Озлобление в некоторых районах было огромным. Узнав, что «Правду» захватили три ее бывших редактора, только что вернувшиеся из Сибири, пролетарии потребовали, чтобы их исключили из партии»⁹.

Конечно, Шляпников видел этих «пролетариев» сквозь собственные очки. Есть пролетарии и пролетарии. О прежней, «дореформенной» «Правде» Каменев говорил Суханову, что

«она была абсолютно недостойной по тону, неприемлемой по духу и пользовалась скверной репутацией»; «даже в наших рабочих кругах были ею сильно недовольны». Но, естественно, существовали и другие рабочие круги, довольные «бешеными статьями, игравшими на необузданных инстинктах». Квалифицированные рабочие — это одно, а неквалифицированные, только что попавшие на фабрику, — совсем другое; это примитивная и пестрая толпа, живущая главным образом чувствами и импульсами.

Во всех капиталистических странах наряду с пролетарским *demos* [народ (греч.). — Примеч. пер.] существовал пролетарский *ochlos* [толпа (греч.). — Примеч. пер.], огромная толпа деклассированных, хронических нищих, люмпен-пролетариев, которых можно считать «капиталистически избыточной резервной армией промышленного труда». Как и пролетариат, этот слой является продуктом капиталистической цивилизации, но он отражает разрушительные, а не созидательные аспекты капитализма. Угнетенный и эксплуатируемый, он полон горечи и отчаяния, но не имеет ни традиций, ни того стремления к новому сознанию, новым законам и новой культуре, которое отличает истинного, «потомственного» пролетария.

В России сильнее всего развивались именно разрушительные, хищнические аспекты капитализма, а созидательные, наоборот, тормозились. Это сопровождалось катастрофическим ростом «охлоса», огромной массы бродяг, лишенных корней. Временами ложно идеализировавшаяся (как в ранних рассказах Горького), эта толпа была источником сил, устраивавших время от времени вспыхивавшие массовые бунты, а также еврейские и прочие погромы, которыми славилась старая Россия.

Во время войны толпа деклассированных неимоверно увеличилась. Источником этого роста были массовые эвакуации, проводившиеся военными властями в грубой и бесцеремонной манере. Кроме евреев, массами вывозившихся из прифронтовых областей из-за общего и ни на чем не основанного подозрения в шпионаже и помощи врагу, кроме правительственных чиновников и добровольных беженцев существовала еще одна группа (самая большая по численности), состоявшая из тех,

кого вывезли силой, чтобы обезлюдить территории, оставляемые врагу.

Яхонтов писал: «Военные власти совершенно потеряли голову; казалось, этот хаос создавался намеренно... Людей отрывали от их родных деревень и перевозили в далекие и незнакомые места... Брошенные вещи и даже их собственные дома сжигали у них на глазах... По всем дорогам нескончаемым потоком текла огромная толпа... Люди умирали сотнями от голода, холода и болезней... Второе великое переселение народов, организованное армейской ставкой, кончится для России несчастьями, революцией и гибелью»¹⁰.

Во время войны кадровый состав промышленности резко изменился. Ряды фабричных рабочих, сильно поредевшие из-за повальной мобилизации, пополнились человеческим материалом, который был под рукой: крестьянами, мелкими лавочниками, служащими, привратниками, половыми, людьми без определенной профессии — словом, всеми, для кого работа на оборонных предприятиях была единственным способом избежать отправки на фронт. Настоящие пролетарии утонули в пестрой толпе люмпен-пролетариев и люмпен-буржуазии.

А затем настала периодическая безработица из-за недостаточного снабжения топливом и сырьем, внутренних конфликтов и, наконец, открытого применения локаутов. На возроставшую безработицу и усиление темпов инфляции отчаявшаяся толпа деклассированных реагировала не организованной классово-борьбой, а требованием социального чуда — обеспечения работой «за хорошие деньги» и всеобщего процветания по указу правительства.

Кроме того, существовала толпа солдат, в основном из тыловых гарнизонов. В последние годы царизма Россия кишела этими разросшимися тыловыми гарнизонами. Плохо обученная, недисциплинированная и страдающая от недостатка офицеров, эта толпа была всего лишь громадной лабораторией по превращению неоформившихся деревенских парней в морально опустошенных людей, озлобленных монотонным и скучным существованием среди городских соблазнов.

В столицах ситуация была еще хуже. Сначала гарнизоны с недоумением наблюдали за революционными событиями. За-

тем они начали принимать в них участие — иногда с большим опозданием и в основном благодаря стадному чувству. Все они внезапно стали «героями борьбы за свободу». Советы твердо гарантировали им «революционную» привилегию в виде избавления от отправки на передовую. В действительности формирование фронтовых батальонов из запасных полков продолжалось. Но чем успешнее оно велось, тем быстрее из гарнизонов уходили лучшие люди и тем более ненадежными становились оставшиеся части. «Естественный отбор» превращал многие казармы в кормушку для бесстыдных корыстолюбцев, сквозь пальцы смотревших на лужанье семечек, игру в карты, пьяные дебоши, самовольные выходы на улицу и участие в многочисленных митингах. Среди этой отсталой и невежественной толпы попадались группы, принципиально выступавшие против войны; эхо этих речей подхватывали массы, находившие в них оправдание собственной лени и неряшливости. Постепенно такое состояние умов передавалось фронтовым частям, регулярно пополнявшимся из резерва.

Кроме того, существовали самые деклассированные из деклассированных — дезертиры. Согласно официальным данным, количество дезертиров с фронта еще до революции составляло больше 195 000, а на 1 августа 1917 г. их насчитывалось уже 365 000. Вместе с теми, кто уклонялся от мобилизации и прятался в лесах, полях и оврагах («зелеными»), их общее количество, по данным Родзянко, составляло до революции около 1 500 000, а к 1 октября 1917 г. — около 2 000 000. И наконец, революция совершила красивый жест, более прекраснодушный, чем практичный, почти повсюду открыв двери тюрем и выпустив на свободу даже уголовников.

Таковыми были главные источники пополнения бесформенной толпы. Скорее жертва, чем виновник собственного общественного положения, эта толпа ощущала всеобщий энтузиазм революции. Но ее праздничное настроение не могло пережить «медовый месяц» нового порядка. Суровая проза жизни требовала своего. Чем более примитивными были эти люди, тем скорее они начинали ощущать беспричинную злобу. Все эти элементы составляли аудиторию нескончаемых митингов. В больших городах эти митинги проходили на каж-

дой площади, бульваре, перекрестке и в сквере, причем выступали на них ораторы безграмотные, но страстные. «Улица» жила своей собственной шумной политической жизнью. В Петрограде местом постоянных митингов была площадь у дворца Кшесинской, ныне занятого большевиками. Именно там большевистские агитаторы научились приспособливаться ко вкусам определенных слоев городского населения, но не пролетариев, а безработных нищих. Это диктовало изменение арсенала большевистской фразеологии. Страстные революционные призывы теперь были обращены к социальной категории, никогда не пользовавшейся любовью сторонников марксизма: «городской и деревенской бедноте». Партия тут же стала выпускать популярную газету «Беднота». Классовой основой большевизма вместо пролетариата стал люмпен-пролетариат; большевизм совершил грех, в котором всегда обвиняли *анархистов*.

Первая речь Ленина перед марксистской и социал-демократической элитой, делегатами недавно состоявшейся Всероссийской конференции Советов, вызвала всеобщую оторопь. Долой Временное правительство! Долой мелкобуржуазные Советы; долой буржуазную демократию; долой парламентскую республику; никакого правительства, кроме прямой власти Советов беднейших классов, власти, завоеванной пролетариатом. Долой социал-демократическую партию; да здравствует созданная вместо нее коммунистическая партия! Долой интернациональный мирный съезд социалистов в Стокгольме; да здравствует мир с помощью братания на фронте, ура переговорам революционных сил с обеих сторон, эскадрона с эскадроном и батальона с батальоном! Да здравствует гражданская война, которая покончит с империалистической войной! После этой речи старый большевик Гольденберг заявил с места: «Ленин претендует на европейский трон, который пустует уже тридцать лет: трон Бакунина. Новое слово Ленина является переложением старой истории примитивного анархизма. Ленина — социал-демократа, Ленина — марксиста, вождя нашей боевой социал-демократии больше нет!» Другой большевик, представитель левой фракции «Вперед» Богданов (Маиновский) вышел из себя и крикнул, что речь Ленина — это

бред сумасшедшего; бледный от гнева и презрения, он резко бросил аплодировавшим: «Как вам не стыдно хлопать этой чуши? Позор! И вы еще смеете называть себя марксистами!»

Несмотря на явное стремление Ленина сорвать начавшиеся переговоры об объединении меньшевиков и большевиков, эта речь привела скорее к обратному. Спровоцировав громкий скандал, Ленин покинул собрание. Вслед за ним ушли пятнадцать большевиков в знак протеста против враждебного приема их апостола. Оставшиеся практически единогласно признали необходимость проведения объединительного съезда всей российской социал-демократии и выбрали его организационный комитет, включая представителей большевиков. «Даже ближайшие товарищи Ленина, люди, которые работали с ним десятилетиями, начали возражать ему... Споры, особенно в кабинетах редакторов «Правды», были чрезвычайно острыми»¹¹.

Многие авторы склонны приписывать полную победу, одержанную Лениным над его сторонниками, исключительно личности вождя большевиков. Однако нельзя считать, что Ленин, типичный параноик, изменил все концепции левого крыла когда-то единой российской социал-демократии призывом к анархистскому мятежу только из-за капризных поворотов своей индивидуальной мысли. Напротив, Ленину, с юности фанатично проповедовавшему догмы марксизма, было очень нелегко перейти с пути Маркса на путь Бакунина и сделать главную ставку не на социально зрелый промышленный пролетариат, а на деклассированные толпы «бедноты», «угнетенных классов», моряков и солдат — иными словами, на пеструю и ненадежную «улицу». Временами он испытывал сомнения и пытался удержать это движение в разумных границах. Но толпе не терпелось избавиться от всяких ограничений. Бросить ее и сконцентрироваться на пролетарском «демосе» означало бы обречь себя на бесконечную и практически безнадежную борьбу с меньшевиками, считавшими главной движущей силой революции именно квалифицированных рабочих.

Колебания Ленина отражались в решениях его партии. Апрельская Всероссийская конференция большевиков постановила (тем самым определив всю будущую программу действий большевиков): «Пролетариат России, действуя в одной из са-

мых отсталых стран Европы, среди масс мелких крестьян, не может бороться за немедленную социалистическую перестройку». Она решила, что «эта война не может закончиться отказом солдат только одной стороны идти в бой и прекращением военных действий одной из воюющих сторон». Обвинение в том, что большевики склоняются к сепаратному миру с Германией, было отвергнуто как «чистая клевета». Массовое братание она объявила способом достижения не сепаратного мира, а одновременной рабочей революции по обе стороны фронта. В апреле большевистский Центральный комитет опроверг лозунг «Вся власть Советам!». После «милюковского кризиса» Ленин в специальной статье критиковал «слишком торопливых личностей». «Кризис нельзя решить ни индивидуальным насилием, ни разрозненными действиями небольших вооруженных отрядов, ни бланкистскими попытками захватить власть, арестовав Временное правительство, и т. д.»¹².

Но Ленину нужно было справиться не только с «леваками» в собственной партии, быстро откликнувшимися на ультрареволюционную платформу, которая так удивила его самых близких товарищей сразу после возвращения в Россию. За этими «леваками» стояла стихийная сила деклассированных. Поведение большевиков в апрельские дни разочаровывало их. Они начинали искать других вождей. Их поиски встретили отзыв в определенных анархистских кругах.

Всероссийский съезд Советов открылся тогда, когда в Петрограде произошла сенсация. Под полуанонимной подписью «Исполнительный комитет по ликвидации газеты «Русская воля» была издана листовка, в которой оправдывался самовольный захват вооруженной группой типографии Березина. Эта группа довольно бессвязно объяснила, что данный захват является не покушением на свободу прессы, а просто попыткой «вернуть народу его собственность» и покончить с ненормальным положением, когда многие друзья народа не имеют ни денег на оплату типографских услуг, ни печатных станков. Конфискованную типографию окружила враждебно настроенная толпа. На место действия прибыли также два батальона солдат. Лидеры съезда стремились любой ценой избежать кровопролития, которое могло бы омрачить начало столь важно-

го мероприятия. Они настаивали на том, что революционный порядок запрещает самовольные действия, что реквизиция помещений для нужд разных революционных организаций требует утверждения специального комиссара Временного правительства и одобрения Совета, в котором представлены все революционные течения, включая анархистов. Типография Березина должна быть освобождена. Делегация съезда, в которую входил и правый большевик Каменев, предотвратила столкновение. Расследование привело власти на дачу Дурново, также захваченную самовольно и превращенную в штаб-квартиру, из которой совершались налеты под анархистским флагом. Попытка властей освободить дачу встретила вооруженное сопротивление. На некоторых фабриках Выборгской стороны была объявлена забастовка в знак протеста против «контрреволюционных действий» правительства. Тут в дело вмешался Петроградский совет. Он велел открыть парк Дурново для рабочих, а само здание передать профсоюзам, приказал рабочим Выборгской стороны прекратить забастовку, подтвердил необходимость удаления с дачи Дурново группы мятежников, которая, прикрываясь анархистскими лозунгами, собрала вокруг себя невежественных полууголовников и открыто заявила о намерении захватить типографии газет «Новое время», «Русская воля», кадетской «Речи» и передать их анархистским и социалистическим организациям, известным только им. Съезд подавляющим большинством голосов одобрил действия Петроградского совета. Но Каменев от большевиков и Луначарский от «объединенных интернационалистов» заявили, что их фракции хотя и не одобряют поведение анархистов, но не могут голосовать за резолюцию. Некоторые из них голосовали против одобрения действий Петроградского совета, некоторые воздержались, несмотря на общее негодование и крики с мест: «Лицемеры!»

Все это случилось 8 июня. Сразу вслед за этим выяснилось, что Центральный комитет большевиков, воспользовавшись продолжавшимся шумом из-за захвата дачи Дурново, назначил на 10 июня демонстрацию под лозунгами «Долой министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!». Съезд Советов забил тревогу. Впервые советская партия пыталась повлиять на реше-

ния Советов с помощью уличной демонстрации. Вопрос стоял очень остро: либо большевики признают «единый фронт трудящихся», созданный Советом, и подчиняются общей революционной дисциплине, либо они будут исключены из Совета. Во время жаркого обсуждения этого вопроса большевики дважды покидали зал заседаний, но в конце концов вернулись и отменили демонстрацию. В отместку они издали подстрекательский призыв с жалобой на то, что народ лишают его главного элементарного и законного права: выражать свои политические мнения с помощью мирной уличной демонстрации.

Петроградский совет решил выбить у них почву из-под ног. Дождавшись восстановления спокойствия, он не только позволил, но сам организовал огромную демонстрацию с полной свободой выбора лозунгов. Большевистская организация жадно ухватилась за эту возможность. Люди шутили, что у большевиков больше знамен, чем демонстрантов. Но они добились своей цели. Огромное количество плакатов, требовавших удаления из правительства «десяти министров-капиталистов», производило сильное впечатление. Тут большевики были правы: участие в правительстве буржуазных министров не давало решить ни один насущный вопрос. Но большевистские демонстранты, которые требовали свободы для себя, одновременно покушались на свободу других, затеяв кулачные драки и разрывая плакаты, призывавшие к доверию Временному правительству. Впрочем, таких плакатов на демонстрации почти не было. Большинство Совета защищало коалицию с буржуазией неохотно, словно неся на себе тяжелый крест. Хотя большевики частично отыгрались за недавнее поражение, все же оно заставило их соблюдать осторожность. Мятежный дух был чересчур силен, а вокруг находилось слишком много горячего материала. Кроме того, им грозила опасность исключения из Совета, а без защиты революционной демократии они оказались бы бессильными перед преследованиями правительства.

1 июля состоялась Петроградская городская конференция большевиков. Подсчитав свои силы — 32 000 официальных членов, 2000 из которых были вооружены и входили в военную организацию, 4000 официальных «сочувствующих» и око-

ло 260 000 голосов на выборах в городскую думу, — они воспрянули духом. На третий день конференции появилась сенсационная новость: четыре кадетских министра вышли из Временного правительства, наступил правительственный кризис, ведутся переговоры о восстановлении коалиции с кадетами. Одним словом, «революция в опасности». Затем пришли два представителя пулеметного полка и возбужденно доложили: «Временное правительство боится, что его скинут; пора действовать». Один из руководителей конференции, Володарский, заявил, что «партия решила не принимать участия в происходящем, поэтому члены партии, имеющиеся в полку, должны подчиниться этому решению». Недовольные представители полка ушли. В 16.00 собрался Центральный комитет. Прибыли телеграммы с фронта о начале наступления, и комитет боялся, что уличные беспорядки дадут правительству повод обвинить большевиков в его возможной неудаче. Предпочтительнее было дождаться конца наступления, а затем получить свободу рук. Сталин предупредил бюро Центрального исполнительного комитета Советов о предложении пулеметчиков и о том, что делегаты полка отправились на фабрики с целью организовать демонстрацию. Тут большевики действовали заодно с большинством и в полном соответствии с предыдущими решениями Совета. В 17.00 городская конференция большевиков решила закончить работу и направить делегатов на все промышленные предприятия Петрограда, чтобы остановить рабочих. Однако демонстрация с самого начала была не столько рабочей, сколько солдатской. Согласно «Правде», «рабочие спрашивали: кто зовет нас на улицу? Никто не мог дать ясного ответа»¹³. Но местные большевики уже потеряли голову. На Путиловском заводе рабочие-большевики «выразили недовольство медлительностью Центрального комитета». В Московском полку «большевика, который выступал против демонстрации, называли «ликвидатором» и не дали говорить». В 19.00 ко дворцу Кшесинской подошли два отряда солдат-демонстрантов. Члены большевистской военной организации Лашевич и Кураев пытались переубедить их, но были встречены криками «Долой!». Похожая сцена повторилась, когда ко дворцу подошла демонстрация рабочих¹⁴. Под-

войский, Свердлов, Невский и другие пытались уговорить пулеметчиков удовлетвориться посылкой специальной делегации в Совет с требованием взять власть в свои руки и вернуться в казармы. Но «отношение к ораторам было столь враждебным, что многие пулеметчики, стремясь продемонстрировать свои чувства, взвели курки»¹⁵. «Все усилия военной организации, — доложил Подвойский, — оказались тщетными. Видимо, тут поработали другие силы».

Что же это за таинственные силы? Несомненно, большую агитационную работу в пулеметном полку провели анархисты — те же самые элементы, которые пытались захватить типографию Березина и дачу Дурново. Они были выбиты оттуда военной силой после вооруженного сопротивления и ареста нескольких человек, в том числе кронштадтского матроса Железняк [Василия Железнякова. — *Примеч. пер.*], анархиста, впоследствии большевика, прославившегося тем, что он разогнал Учредительное собрание. Среди кронштадтских моряков распространился слух, что их товарищей арестовали и чуть ли не расстреляли. Некоторые злонамеренные элементы подговаривали их найти человека, отвечавшего за освобождение дачи Дурново (министра юстиции Переверзева) и линчевать его. Если его не удастся отыскать, то следует взять в заложники других министров. Перед зданием Совета они сделали попытку схватить Церетели, но тому удалось бежать. Рассчитывая на свою популярность, министр земледелия Чернов попытался переубедить их. Тогда те же злонамеренные элементы с помощью группы матросов схватили его и начали заталкивать в автомобиль, но не смогли этого сделать из-за вмешательства народа. Большевик Рязанов и левый эсер Камков, пытавшиеся освободить Чернова, были избиты. По требованию Совета прибыл Троцкий и добился освобождения Чернова. Позже Троцкий случайно встретил в тюрьме нескольких людей из тех, которые схватили Чернова; он утверждал, что это были обычные уголовники. Но в докладе Сталина на Шестом съезде большевиков этот случай был описан в идиллическом тоне; прозвучала знаменательная оговорка: «...до тех пор, пока мы не *включим* [вместо «исключим». — *Примеч. пер.*] выходки банд хулиганов и уголовников».

Но одни уголовники не могли бы вызвать массовое неповиновение призывам Совета и даже большевиков. Позже авантюрист казачий атаман Дутов и его приспешники пытались сымпровизировать «большевистскую» демонстрацию, чтобы облегчить проведение корниловского мятежа. В конце концов, здесь было сделано практически то же самое. Выпущавшаяся Советом газета «Известия» еще до первой большевистской демонстрации опубликовала предупреждение: «По Петрограду ходят зловещие слухи о готовящейся демонстрации «черной сотни». В трактирах, чайных, на рынках можно услышать встревоженные разговоры о том, что на 23 апреля, день рождения бывшей императрицы, ныне арестованной, назначен погром. В общественных местах и дворах наиболее неустойчивым людям раздавали деньги»¹⁶. Позже большевики пытались доказать, что черносотенные элементы использовали демонстрации, проведенные 21 апреля за и против Милюкова, для своих собственных провокационных целей¹⁷. Несомненно, германские агенты тоже старались провоцировать и раздувать все внутренние волнения и беспорядки.

Немалую роль в этих демонстрациях сыграли внезапно раздавшиеся неизвестно откуда провокационные выстрелы холостыми патронами. Возбужденная и неорганизованная толпа солдат ответила им беспорядочной панической стрельбой. Подвойский докладывал, что даже в рядах большевистских демонстрантов это едва не привело к бойне. В своем докладе Сталин высоко оценил дисциплину гренадерского полка, «в частности, тех батальонов, которые через свою организацию были наиболее близки нам [большевикам. — *Примеч. авт.*]». Он уточнил: «Когда пулеметчики поддались на провокацию и открыли огонь, гренандеры заявили, что будут стрелять в них, если те не остановятся».

Все это типично для действий деклассированной толпы, «охлоса»: стихийность, насилие, эксцессы, хулиганство, преступность, провокации и, наконец, появление зловещих и таинственных сил, трудно определимых, но ощущаемых. Именно в это время начали выходить две газеты, «Маленькая газета» и «Живое слово», — боевые, дерзкие до нахальства, талантливые, использовавшие чисто большевистские способы полемики, ря-

дившиеся в одежды социализма, под которыми скрывался разнуданный национализм. Сначала они льстили Керенскому, подбивая его стать революционным диктатором, но позже полностью отвергли его и начали называть «спасителем России» адмирала Колчака. Наружу рвался русский «гитлеризм» — демагогический, насквозь лицемерный и авантюристический «национал-социализм». Большевики (и частично анархисты) были обязаны покончить с ним, чтобы сохранить влияние на мятежную толпу, которой ничего не стоило одолеть столичный пролетариат, ныне психологически неустойчивый и размытый притоком чуждых элементов.

Июльские дни застали большевиков врасплох — тем более что Ленина в это время в Петрограде не было. Растерянные и неспособные справиться со стихийным движением, большевики устремились вперед сломя голову. Сначала состоялось отдельное совещание Петроградского комитета большевиков, затем объединенное собрание Центрального комитета, общегородская конференция депутатов полков и районов и, наконец, совещание рабочей секции Совета, после демонстративного ухода меньшевиков и эсеров превратившееся в совещание большевистской фракции последней. Все эти мероприятия постановили вновь поднять вопрос о руководстве движением, которое грозило выйти из-под их контроля. После своего возвращения Ленин одобрил это решение. Но за прошедшее время психологическая обстановка в рабочих районах изменилась. Подавленные солдаты, которые бесцельно бунтовали и палили наугад, вернулись в свои казармы. Полки, остававшиеся нейтральными (Семеновский, Преображенский и Измайловский), собирались защищать Совет. Тем временем с фронта в Петроград была направлена сводная часть под командованием социалиста, лейтенанта Мазуренко, чтобы восстановить порядок. Большевикам оставалось только одно: заявить, что великая петроградская демонстрация достигла своей цели, громко провозгласив волю пролетариата и революционной армии, поэтому забастовку можно прекратить, а солдатам вернуться в казармы.

Сначала казалось, что беспорядочный ход забастовки, ее крайности, кровь случайных прохожих нанесли сильный удар

по популярности большевиков. Во время июльских дней на фабричных митингах большевистских ораторов часто освистывали. Успешно продвигалось расформирование наиболее мятежных частей. В большевистских районах Петрограда были конфискованы горы оружия. Началось расследование заговора. Ленин и Зиновьев скрылись, избегая ареста и суда.

В тот момент полностью подавить большевистскую организацию не составило бы большого труда. Тем не менее Совет на это не пошел. Он даже не исключил большевиков из своего состава. Почему? Потому что предпринять решительные шаги против левых, продолжая поддерживать коалицию с правыми, в тот момент, когда начал свои политические демонстрации генерал Корнилов, означало бы навсегда порвать с демократией и открыто присоединиться к контрреволюции. Полностью разоружить большевиков и сочувствующих им могло бы только правительство, пользовавшееся поддержкой трудящихся, проводившее радикальные социальные реформы, твердую политику в вопросе войны и мира и создававшее новые условия для российских национальных меньшинств. Но правительство было парализовано своим союзом с буржуазными националистами. Оно должно было уравнивать уступки правым такой же терпимостью по отношению к левому экстремизму. Иными словами, ему приходилось проявлять слабость на обоих фронтах.

Казалось, что уход из правительства четырех кадетов после украинского вопроса и отставка князя Львова из-за аграрной политики подтверждали правильность курса эсеро-меньшевистского большинства Совета. Церетели и Дан неохотно, но серьезно обдумывали вопрос создания нового правительства без участия кадетов. Чернов же просто не видел другого выхода. Наиболее дальновидные кадеты вроде Милюкова ясно понимали, что «коалиция была компромиссом, который парализовал нынешнее правительство изнутри, в то время как предыдущее было парализовано снаружи». 2 июля Центральный комитет кадетов заявил: «Сильное и единое правительство может быть создано либо с помощью большей однородности, либо если оно будет реорганизовано таким образом, что его составные части смогут решать фундаментальные воп-

росы не простым большинством голосов, а по взаимному согласию, направленному на решение первоочередных государственных задач». Поскольку второй вариант только узаконил бы пресловутый «паралич изнутри», он был категорически исключен. Оставался лишь первый.

Левые круги приняли идею «повышения однородности» правительства с большим удовольствием, но имели в виду однородность не правую, а левую. Однако июльские дни едва не заставили их отказаться от идеи такой реорганизации. Во-первых, многие лидеры считали это капитуляцией перед буйной, разношерстной и изменчивой толпой. Это означало бы уступку требованиям не народа, не организованных рабочих, а уличного сброда. Это означало бы возникновение новой преторианской гвардии, которая создавала бы правительства и свержала их с помощью кулаков и прикладов винтовок. Совет не хотел, чтобы у нового правительства была такая ненадежная основа. Его пугала мысль о более однородном правительстве, к созданию которого подталкивал сам ход событий. Он охотнее призвал бы остальную Россию против мятежного большевистского Петрограда, который хотел навязать всей стране свою волю, на поверку являвшуюся волей большинства частей разложившегося Петроградского гарнизона.

Вместо того чтобы воспользоваться июльским фиаско большевиков, Совет вернулся к отправной точке. Он снова начал крутить старую шарманку, пытаясь восстановить окончательно прогнившую коалицию. Собственно, Керенский никогда не отказывался от этой попытки, в то время как Совет придерживался тактики *laissez faire, laissez passer* [невмешательства (фр.). — Примеч. пер.]

Большевизм потерял значительную часть своей силы благодаря частичному разоружению его Красной гвардии и исчезновению вождей, ушедших в подполье. Это было расплатой за непоследовательность и полный провал его политики во время июльских событий. Но его стремление к борьбе сломлено не было. В лучшем случае произошло небольшое отступление. В целом эксперимент оказался успешным: несмотря на полное отсутствие организации, несмотря на стихийность движения, большевики владели Петроградом двое

суток, оставив правительству роль беспомощного наблюдателя.

Однако у большевиков (а особенно у тех, кто слышал громогласное «долой!», реявшее над толпой) возникла серьезная проблема: если они попытаются вести толпу, не кончится ли это тем, что из ее вождей они превратятся в ее рабов?

В этот трудный для принятия нравственных и политических решений момент выяснилось громадное значение, которое имел для партии Ленин. Тем, кто боялся авантюриности такой тактики, он противопоставил свою непреклонную решимость, силу воли и преданность идее. Для него июльские дни стали нечаянным переходом Рубикона. Перед Центральным комитетом большевиков стояла проблема: стоит ли Ленину и Зиновьеву предстать перед судом и следствием, или им лучше скрыться? После недолгих колебаний выбрали второе решение. Легальный путь был закрыт, а нелегальный требовалось пройти до конца. Нужно было достичь поставленной цели: восстать, свергнуть Временное правительство и захватить власть.

Ленин прекрасно понимал, что во всей остальной России большевизм не так силен, как в Петрограде и Москве. Но он рассчитывал, что в провинции восстание будет хотя и меньшим по масштабам, однако не менее эффективным. Горючего материала было всюду хоть отбавляй. Неспособность левых воспользоваться этим материалом только открыла бы дорогу авантюристам и мелким местным диктаторам. Этот материал вспыхнул бы сам по себе и вызвал бы бессмысленные и ненужные местные пожары.

Народ устал от революционных бурь и жаждал сильного правительства. Эта жажда стала причиной появления абсурдных карликовых республик с абсолютной властью случайных диктаторов. Ленин пришел к выводу, что левым нужно без промедления захватить власть над всей Россией, иначе ее с помощью армии захватят правые и, возможно, восстановят самодержавие. Способность реакционных демагогов и случайных людей управлять невежественной и неорганизованной толпой стала для Ленина аргументом, с помощью которого он убедил большевиков в необходимости еще более искусной и

безответственной демагогии и выдвижения упрощенных лозунгов, доступных даже самым примитивным умам. В качестве примера можно привести его знаменитый призыв: «Грабь награбленное».

Однако Ленин не забыл и того, чему научился в школе марксизма. Он понимал, что толпа ненадежна, непостоянна и изменчива: она полезна как сила, но требует сильного и сплоченного ядра. Эту роль он отводил пролетариату. Если бы в России анархо-синдикализм был развит так же, как в довоенной Франции, Ленин пошел бы на союз с ним; хотя русский анархизм обеих столиц был пестрым и рассредоточенным, Ленин без колебаний пошел бы на союз большевистской Красной гвардии с Черной гвардией безответственных анархистов. Но русский анархизм не был популярен в профсоюзах. В профсоюзах преобладали меньшевики, которые пользовались поддержкой эсеров.

Однако изобретательный ум Ленина нашел решение даже здесь. Он противопоставил профсоюзам движение фабрично-заводских комитетов. Фабзавкомы, поддерживаемые неквалифицированными рабочими, требовали прямого, немедленного и децентрализованного контроля над производством. Старые большевистские лидеры вроде Рязанова пришли в ужас: для них фабричные комитеты были всего-навсего местными органами профсоюзов; их противопоставление профсоюзам выглядело открытым и беспардонным уничтожением последних. Но на Ленина это не произвело никакого впечатления. Ему требовалось сокрушить профсоюзные твердыни меньшевиков. «Восстание фабзавкомов» против централизованных профессиональных союзов казалось ему замечательной идеей. Центральные органы профсоюзов можно захватить позже, после уничтожения меньшевизма; затем твердой рукой будет наведен порядок, и фабзавкомы подчинятся профсоюзам. Не говоря обо всем остальном, Ленин был искусным тактиком. Он пользовался принципом профсоюзов как хотел, чтобы получить сиюминутное преимущество. В его мозгу уже созрела идея: после захвата власти большевиками нужно будет созвать Всероссийский съезд фабрично-заводских комитетов, которые станут основой экономической жизни страны. Как большин-

ство мыслей Ленина о будущем, она не имела реального содержания, но в качестве тактического маневра с «прагматическими» целями была великолепна. Она возбуждала честолюбие, усиливала коллективный «организационный патриотизм» пионеров движения фабзавкомов и рыла яму меньшевистским профсоюзам, прочно удерживавшим контроль над фабриками.

Первая конференция фабрично-заводских комитетов, открывшаяся 30 мая, не привлекла внимания меньшевиков и эсеров, не считавших это движение «самодостаточным». Напротив, большевики направили на нее своих вождей Ленина, Свердлова и Зиновьева. Возможно, величайшую услугу оказала большевикам речь министра труда Скобелева. Он говорил официальным оптимистическим тоном и вопреки действительности заявил, что «в настоящий момент нет причин говорить о безработице»; там, где безработица все же есть, она является «результатом неравномерного снабжения». Далее он говорил, что «мы находимся на буржуазном этапе революции», что передача фабрик рабочим «не является его целью», что «русский капитализм слишком молод», военные расходы слишком велики, а потому его ресурсов для этого недостаточно¹⁸. Ничего другого большевикам и не требовалось. Резолюция Зиновьева была принята 297 голосами против 21 при 44 воздержавшихся. Большевизм сделал новый важный шаг на пути отрыва рабочих масс от меньшевизма.

Ленин прекрасно понимал, что, как бы он ни рекламировал фабзавкомы с их лозунгом государственного контроля производства рабочими снизу, как бы ни называл их «новой формой рабочего движения», чисто русской и уникально революционной, на самом деле значение этих органов весьма сомнительно. Главным для него было совсем другое: превращение самой большевистской партии в сверхцентрализованную организацию с военной дисциплиной, напоминающую не столько демократическую, самоуправляющуюся, открытую для всех партию западноевропейского типа, сколько средневековый орден рыцарей-монахов. Это было необходимо для ведения борьбы за власть, но еще больше — для удержания и использования этой власти.

Июльские дни показали, что коалиционное правительство, «парализованное изнутри», ничуть не сильнее предыдущего правительства либеральной буржуазии, которое было «парализовано снаружи». Петроградом могла овладеть даже абсолютно неорганизованная толпа. Ленину пришлось рассеять сомнения собственных последователей: если большевики возьмут власть, то смогут ли они ее удержать? Ответ был коротким и радикальным:

«После революции 1905 года Россией управляли 130 000 землевладельцев, управляли, совершая бесконечное насилие над 150 000 000, обрекая подавляющее большинство народа на каторжный труд и полуголодное существование.

Говорят, что Россия не может управляться 240 000 членов большевистской партии, не может управляться в интересах бедных против богатых. Но сейчас на стороне этих 240 000 по крайней мере 1 000 000 голосов взрослого населения; такая пропорция членов партии и избирателей ценится как в Европе, так и в России; например, так было на августовских выборах в Петроградскую думу. Следовательно, мы уже имеем правительственный аппарат из 1 000 000 человек, преданных социалистическому правительству».

Это было дерзко. Сделать собственную партию с ее ближайшим окружением аппаратом, напрямую управляющим страной... Такой план не имел прецедентов в истории, кроме разве что иезуитско-коммунистического правительства Парагвая.

Да, это было дерзко, нахально, но практично и даже прозаично. Россия, за спиной которой были века абсолютистского режима, пыталась стать современной демократией европейского типа, но ей предстояло решать социальные проблемы в духе самых передовых идей века. Она пыталась сделать это, стиснутая кольцом войны, когда быстро приближавшаяся экономическая разруха вызывала взрывы недовольства у невежественного, неудовлетворенного, постоянно нищающего населения.

Демократы типа Керенского, люди с «узким кругозором», приходили в отчаяние и патетически восклицали: «Кто вы, свободный народ или бесформенные толпы мятежных рабов?»

Короли российской промышленности неохотно принимали политическую демократию, но мысль о том, что к ней может

прибавиться «промышленная демократия», а права на собственность и капитал перейдут к трудящимся, приводила их в ужас. Они были готовы бежать со своим капиталом за границу или поддержать любого, кто стальной рукой «остановит революцию».

Генералы с сильной волей вроде Корнилова отвечали на этот «социальный заказ» и тянулись к власти, маскируя свое стремление к реставрации старого режима клятвенными обещаниями привести Россию «к Учредительному собранию, предварительно одержав победу над чужеземным врагом».

Партии большинства Совета, объединенные стремлением расширить политическую и экономическую демократию, безнадежно расходились в своих оценках возможности этого. Столкнувшись с мятежной стихийной силой, они боялись, что слишком большая дерзость восстановит против них образованные высшие классы России, которые не смогут расстаться с цензурой демократией и поддержать революционное правительство.

Предупреждения о том, что чрезмерная осторожность в стране, поднявшейся на дыбы, рискованна, что нерешительность демократии трудящихся в осуществлении их *собственной* программы и постоянное нежелание отказаться от бесплодных и пустых союзов и компромиссов есть самый эффективный способ лишить массы иллюзий и толкнуть их в объятия большевизма, были «гласом вопиющего в пустыне».

Большевистская партия упростила свою задачу одним ударом. Она не стала предлагать стране, которая веками жила при абсолютизме, превратиться в свою демократическую противоположность с помощью перерождения и образования. Вместо этого она предложила ей новый, благосклонный, просвещенный абсолютизм, дружески относящийся к рабочим и способный завершить «революцию сверху». Взамен иллюзорной свободы, которая была чужда диктаторской власти, присвоившей себе громкий титул «диктатуры пролетариата», она предложила стране экономическое равенство и всеобщее процветание.

Эти заманчивые лозунги, резко контрастировавшие с бесплодностью усилий Временного правительства, и предопределили победу большевиков.

- ¹ Иностранные дипломаты о революции 1917 года // Красный архив. Т. 5 (24). С. 114.
- ² Суханов. Записки о революции. Т. 2. С. 209; см. также: Андреев Н. Революция 1917 года: Хроника событий.
- ³ Андреев. Указ. соч. С 119—130.
- ⁴ Блок левых и правых // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17/18. С. 24.
- ⁵ Игнатов Е. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925. С. 29—30.
- ⁶ Суханов. Указ. соч. Т. 1. С. 93—95.
- ⁷ Там же. С. 255.
- ⁸ Игнатов. Указ. соч. С. 85, 89.
- ⁹ Речь идет о Каменеве, Сталине и Муранове; см.: Шляпников. Семнадцатый год. М., 1925. Т. 2.
- ¹⁰ Тяжелые дни: Секретные заседания Совета Министров по записям управдела А. Яхонтова // Архив русской революции. Т. 18. С. 32—33, 37.
- ¹¹ Бонч-Бруевич В. На боевых постах февральской и октябрьской революции. С. 83.
- ¹² Ленин Б.И. Уроки кризиса // Правда. 1917. 23 апреля.
- ¹³ Правда. 1917. 5 июля. № 99.
- ¹⁴ Доклад Сталина на Шестом съезде партии большевиков; см. также: Шелавин. 1917 год: Очерки русской революции. Б. м., 1923. Т. 1. С. 140.
- ¹⁵ Доклад Н. Подвойского от 16 июля 1917 г. на Второй общегородской конференции петроградских большевиков.
- ¹⁶ Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 47.
- ¹⁷ Шелавин. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁸ Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов. Пг., 1917. С. 14.